

ОТВЕТ МОИМ КРИТИКАМ

**Кузнецова Наталия
Ивановна** – доктор
философских наук,
главный научный сотрудник.
Институт истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН.
Российская Федерация,
125315, г. Москва,
ул. Балтийская, д. 14;
e-mail: cap-cap@mail.ru

REPLY TO CRITICS

Natalia I. Kuznetsova –
DSc in Philosophy,
Chief Research Fellow.
S.I. Vavilov Institute for
the History of Science and
Technology, Russian Academy
of Sciences.
14 Baltiyskaya St., Moscow
125315, Russian Federation;
e-mail: cap-cap@mail.ru

Юбилей Венского кружка заставил философское сообщество с болью вспомнить глубочайший драматизм европейской истории XX столетия, политическую поляризацию ее интеллектуальных лидеров, вдуматься в то прошлое, которое, как выяснилось, никогда не покидало нас. Е.Н. Ивахненко яркими штрихами дал набросок картины интеллектуальной жизни в «лихие» для разума времена: «...история поиска “формул” точного мышления со всеми ее прорывами, поворотами, отступлениями и неудачами вовсе не оказалась отнесенной к событиям по разряду “положенных на архивную полку”» (с. 44). И при этом стало очевидным, что дело Кружка не ушло напрочь в Лету. Казалось, что Дело, которому служили логические позитивисты, оставалось занятием для немногочисленных профессионалов, и оно как бы «растворилось» в эпоху массовой культуры. В этом смысле могло показаться, что для Кружка прошли «сто лет одиночества». Мои оппоненты, гораздо в большей степени, чем я, продемонстрировали, что это отнюдь не так. Благодарю их за такую работу и за построение объемной картины проблемного поля современной философии науки, которая тем не менее продолжает ориентироваться,

точнее, – отталкиваться от первой для XX столетия (можно даже сказать – «нулевой») модели науки.

Коллеги не столько возражали моему основному тезису о значимости задач, которые решали логические позитивисты, сколько углубили картину понимания истоков и истории Венского кружка, а также убедительно доказали, что логические позитивисты отнюдь не «закрыли» проблемы, поставленные ими на повестку дня. Не «закрыли», но и не «зарыли»! Те, кто сумели подхватить культурную эстафету, обнаружили новые проблемы и обнажили недостаточность уже предложенных решений. Так произошло, когда интеллектуалы после Второй мировой войны вернулись, наконец, к своим академическим штудиям, т.е. в период постпозитивизма, и далее. Дж. Агасси в свое время метко заметил, что проблемы изучения науки сместились, с легкой руки К. Поппера, от изучения структуры идеальной научной теории к изучению «науки в движении» (Science in Flux). Был предложен вполне рациональный ход мысли – обращение философии науки к союзу с историей науки. Это необходимо не просто из уважения к историческому наследию науки, но и для того, чтобы понять шаги научного прогресса, приблизиться к пониманию науки «как она есть», а не в логически очищенном от дополнительных «наслоений» виде. На эту сторону дела обратил особое внимание С.М. Гавриленко. Полностью согласна с его четкой фиксацией: «Наука оказалась сложнее, и не в последнюю очередь сложнее онтологически. <...> Эмпирически наука дана как многообразие, в которое входят идеи, приборы, места, формы репрезентации, способы финансирования, люди, эпистемические добродетели, техники наблюдения и экспериментирования, институты, сообщества, самости, исследуемые вещи и прочее. Это паразитное по своим масштабам и сложности многообразие, единство которого удерживается не логически сконструированной “формой единой науки”, а сложнейшими и исторически изменчивыми типами координации» (с. 40).

Я рада, что мои оппоненты признали: «оксюморон Венского кружка» – не просто художественная метафора, а правильный диагноз. Об этом свидетельствует реплика Л.В. Шиповаловой, которая подчеркнула эвристичность «формулы оксюморона» и ее не уходящую актуальность (с. 54). В.П. Филатов дал блестящий анализ сложности и многогранности путей формирования «научного миропонимания», указав на допущенные мною историко-философские неточности. Особенно ценно мне представляется его указание на роль неокантианства в этом процессе, а также уточнение понимания возникновения концепта «континентальной философии». При этом Филатов заявляет: «В своей статье Наталия Ивановна пишет, что Венский кружок “открыто порвал с философской континентальной традицией”», что его участники «“признавали только одно направление европейской философии – позитивизм”. На мой взгляд, оба эти

утверждения далеки от реальности» (с. 60). Нет, я буду настаивать на собственном утверждении, и вот почему. Ни один историк философии не смог бы придумать такой провоцирующий оксюморон в качестве обозначения философской школы. В лучшем случае мы находим такие нейтральные маркеры, как – «позитивизм первой (второй или третьей) волны», приставку «нео-» для демаркации с классикой – «неоэмпиризм», «неопозитивизм», «неокантианство», «неогегельянство», а также с приставкой «пост-», от «постпозитивизма» к «постмодернизму» и даже «постправде» (post-truth). В таких маркерах нет никаких следов поиска самоопределения изучаемой философской школы! С моей точки зрения, это большой исследовательский грех. Венский кружок при всем своем разномыслии поставил на собственное знамя именно позитивизм, не разбирая специально, кого считать позитивистом, а кого нет (ведь они не историки философии, а философы!). С моей точки зрения, это было их признанием позитивистских заслуг в акцентировке философских задач по аналитической работе именно с феноменом науки. И это главное. Не будем же мы пенять Попперу, что «критический рационализм» – весьма неточное название его школы! Дескать, рационализм не полностью критичен, а критика не всегда рациональна (не дай Бог, кто-то возьмет такой шуточный ход на вооружение!). Итак, я благодарю Владимира Петровича за уточнения, но его прямое возражение звучит для меня некорректно.

И напоследок хочу припомнить историю появления уже привычного для всех термина «смог». Как происходило постепенное именование «смога»? – Нет, это не просто густой туман. Слияние “Smoke” и “Fog” возникло в 1905 г., когда доктор де Во (Henry Antoine Des Voeux) предложил это слово, указывая, что такой «окуривательный туман» не встречается в сельской местности, но специфичен для Лондона. На следующий день газета Daily Graphic поздравила доктора с введением важного для общественности нового термина. Густая облачность, периодически накрывающая город, является смесью воды с мельчайшими частицами сажи, пыли, песка и каких-то других веществ. Смог стал неотъемлемой частью Лондона в конце XIX в. и тогда получил название “pea-souper” (т.е. похожий на гороховый суп – густой и желтый). Great Smog за 5 дней декабря 1952 г. принес тяжелые заболевания и гибель многих жителей, включая младенцев. По оценкам медицинских служб города, заболели около 100 000, погибли – 12 000 человек. Почему я привожу здесь эту печальную историю? Порою кажется, что мы сейчас живем в эпоху Great Word Smog, и это довольно серьезная и опасная ситуация. Венский кружок и его последователи боролись с пустословием в науке и философии, сегодня речь идет о большем. Суть не в том только, чтобы уметь разоблачать «интеллектуальные уловки», пустословие или словоблудие. Речь об угрозах гораздо более масштабных.